

АЛЕН ГРИН

ТОЧКА
ЗРЕНИЯ

RED. Fiction

Ален Грин
Точка зрения

«ЭКСМО»

2022

Грин А.

Точка зрения / А. Грин — «Эксмо», 2022 — (RED. Fiction)

ISBN 978-5-04-172098-8

Возьмем простой предмет, детскую пирамидку, посмотрим на нее с разных сторон и увидим две фигуры: треугольник и круг. Что еще? Казалось бы, все. Но это не так! Разберите ее – перед взором окажутся торы разного цвета, диаметра и стержень. Ну, теперь наверняка все! Нет. Соберите предмет несколько раз в любой последовательности – явится новая фигура. Что же это! Это реальность нашего мира. С какой стороны на предмет ни посмотри, каждый видит его по-своему. Точка зрения – это субъективная оценка объективного мира. Человек, кем бы он ни был, имеет право на индивидуальное видение жизни. Эта книга как раз об этом. Дима был самым обычным мальчиком в самой обычной семье. В возрасте шестнадцати лет он получает травму, и его привычным мир меняется, а с ним меняется и точка зрения. Главный герой пытается понять и принять несовершенного себя.

ISBN 978-5-04-172098-8

© Грин А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Детство	6
Соломон	10
Как выбрать кружок	14
Интернатовские хулиганы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ален Грин

Точка зрения

*Посвящается моим учителям,
ныне здравствующим, и тем,
кого с нами уже нет.*

*С какой стороны на мир
ни посмотри, каждый видит его по-своему.*

Детство

Сентябрь только начался. Ясный, по-осеннему прохладный день близился к закату. Солнце, казалось, запуталось в туго сплетённых ветвях клёна и притаилось в его золотистой листве. Резкий ветерок, словно озорной мальчуган, качал ветки и срывал первые листья. Они стремительно падали, укутывая землю в дорогой плащ, который даже самому богатому человеку на планете был не по карману. Тщетно дворник Аркадий метлой рвал осенний покров на отдельные клочья: ветер незамедлительно возвращал земные богатства на прежние места. Хулиган Женька из соседнего двора неосознанно помогал стихии, расшвыривая листья ногами на все четыре стороны. Издали усталый Аркадий грозил ему кулаком или метлой, но тот лишь удваивал усилия. Устав от бессмысленных замечаний, дворник жаловался на несносного мальчишку матери. Та за ухо тащила сына-хулигана домой, по пути приговаривая: «Дождешься у меня!»

В тот вечер дети заполнили обычный московский двор. Они бегали, таскали вёдра, лопатки, совки и формочки, прыгали в классики, качались на качелях, пели, спорили и ругались, гоняли мяч, играли в ножички и камешки, устраивали гонки на велосипедах – в общем, каждый был занят неотложным и важным делом.

С краю, в месте, где располагались лавочки, стояла группа из четверых ребят и обсуждала вчерашнюю футбольную игру, которую продули мальчишкам из соседнего двора. Провинился вратарь Лёшка Кириенко, рыжий паренёк с веснушками: в самый ответственный момент зазевался и пропустил атаку. Накануне он клялся и божился, что ляжет пораньше и перед игрой хорошенько выспится, но, несмотря на приложенные старания, игра не удалась. Лёшка, выслушивая в свой адрес едкие замечания, понурил голову, громко сопел и тихо объяснял, что не виноват; мама заставила его выучить все уроки к понедельнику. Димка, мальчишка с русыми волосами, забранными назад кепкой, с чувством толкнул друга в плечо. Лёшка попятился назад.

– Уроки учил, умник, когда мы с Гавриным поспорили! – от нахлынувшего бессилия Димка пнул ножку скамейки. – УРОКИ! Тьфу!

– Сам ты, – Лёшка насупился и отвернулся. Чувствуя вину, он носком ботинка ковырял землю.

– Что Гаврину скажем? – наступал Димка. Ему хотелось, чтобы друг подумал о последствиях своего безответственного отношения к делу.

– Оставь его, – обречённо махнул рукой Петя, крепко сбитый светловолосый малый с хулиганистым выражением лица и упрямым, чуть выдающимся вперёд подбородком. Он ещё вчера смирился с поражением.

– Давайте другого вратаря возьмём, а то Лёшка и завтрашнюю игру продует, – Вова, длинный худощавый парнишка с коротко стриженными волосами и торчащей из-под серого свитера зелёной рубашкой, был зол и возбуждён. Он поставил ногу на скамейку и осмотрел двор в поисках кандидата. – Кольку Иванова?

– Не-е-ет, – Петька замотал взъерошенной головой. – Если ему в руки журнал научный попадётся, его из дома не выгонишь.

– Верно, – Вовка провел рукой по колким волосам, а потом с чувством ударил себя по правой ноге, к которой присосался комар.

– Может, его? – Димка кивнул в сторону мальчишки, сидевшего неподалеку на лавочке. Лёшка посмотрел на кандидата, перестал ковырять землю и возмущённо набросился на друга.

– Очкарика?! Да он нам всю игру загубит! – Лёшка захлебнулся от возмущения.

– Может, он хорошо играет? – поддразнил его Димка.

– Ага, до первого мяча в наши ворота! – Лёшка указал рукой по направлению двора, где они играли в футбол.

– Помолчал бы! – хором выпалили ребята.

– Делайте как знаете! Вот уж Гаврин посмеётся.

– Выиграет очкарик, что тогда скажешь? – Димка важно задрал голову.

Лёша посмотрел на него. Димкины светлые джинсы были порваны на коленке и все перепачканы в земле, из-под тёмно-синей джинсовой безрукавки виднелся рукав тёмно-красной порванной клетчатой рубашки. Лёшка знал, у Димки строгий папа и за испорченные вещи ему влетит. Злорадство овладело им.

– Ничего твой очкарик дальше носа не видит! – Лёшка, как петух, выпятил грудь и высоко вздёрнул подбородок. – Берите слепыша, если хотите! – он важно раздул ноздри и посмотрел на крышу дома, будто разглядел там что-то важное.

– Ладно, играешь, – Петька махнул рукой. – Но если удумаешь зевать – заменим!

Так и решили. Осталось вытерпеть наглый Гавринский смех. Но Гаврин пришёл во двор хмурый и задумчивый, прошёл мимо мальчишек и ничего не сказал. Как выяснилось позже, в тот день он получил двойку по математике и отец, узнав о его провинности, наотрез отказался покупать обещанный велосипед. Так что в тот день Гаврину было не до разборок. Можно сказать, обошлось.

На радостях друзья решили потренироваться в школьном дворе, но из окна второго этажа высунулась Петькина мама и позвала сына ужинать. Лёшку утащил младший брат строить крепость. Тот хотел отвязаться и выпроводить братца, но бойкий и упрямый мальчишка упёрся ногами в землю, руками в брата и, привлекая внимание прохожих, завопил на весь двор. Сидевшая на лавочке Лёшкина мама погрозила старшему сыну пальцем, и тот, придерживая крикуна за руку, поплёлся к песочнице. Димка с Вовкой переглянулись, пожали плечами и разошлись по домам.

С тех пор, сам не зная почему, Димка наблюдал за слепышом. Тот, как любой мальчишка, часто выходил во двор, но с другими ребятами не играл – его не принимали: выгоняли, толкали, обзывали. Димка не мог взять в толк, что с ним не так? С виду обычный парень, только в очках.

Как-то вечером, оставшись в одиночестве, Дима подошёл к очкарику, который сидел на качелях и месил ногами песок. Он придиричиво и внимательно осмотрел его. Чёрные, коротко стриженные волосы, смуглая кожа, глаза, нос, рот – всё на месте.

– Пойдём мяч погоняем, – предложил он, придерживая мяч ногой.

Мальчишка поднял глаза и недоверчиво посмотрел на Димку.

– Пойдём, – поразмыслив, согласился он.

О своём поступке любитель футбола пожалел через пять минут. Мальчишка совершенно не умел играть! Реакция у него была замедленная и вялая. Он глупо переминался с ноги на ногу, пропускал все подачи подряд, закрывался руками, если мяч летел в его сторону, и вообще вёл себя довольно странно. Казалось, он боялся мяча: щурился, пригибался и уклонялся при любой возможности. Димке быстро наскучило играть, но он мужественно ждал, пока игра утомит и очкарика. Надо признать, тот оказался сообразительным. Он заметил Димкино недовольство и заунывный тон, поэтому предложил пойти поиграть в шахматы или шашки. Димка взъерошил волосы.

– Не знаю, как в них играть, – нехотя признался он.

– Я научу, – впервые в глазах очкарика блеснул живой огонёк. – Кстати, – он прищурился, – тебя ведь Димой зовут?

– Откуда знаешь?

– Я часто наблюдал, как ты с ребятами играешь во дворе.

– Тебя самого-то как зовут?

– Миша, – представился очкарик и пошёл к подъезду.

Папа не раз предлагал Димке провести время за игрой в шахматы, но он предпочитал футбол. Теперь же ему стало интересно, что люди находят в этой игре. Он ударил по мячу, ловко поймал его и поспешил за слепышом.

Миша, как оказалось, жил с Димкой в одном доме, только его квартира располагалась на четвёртом этаже в другом подъезде. Развёрнутая в другую сторону двухкомнатная квартира отличалась от Димкиной только обстановкой. Большие шкафы тёмного дерева и бело-серые обои в прихожей, тёмно-коричневый кухонный гарнитур и голубые обои в кухне, цветастые обои, диван, два кресла, журнальный столик и стенка в комнате – вот и всё, что смог разглядеть Димка в свой первый визит.

Навстречу гостю вышла невысокая худенькая смуглая женщина с чёрными, уложенными в пучок волосами. Лицо у нее было узкое. Димка сначала подумал, что это вовсе не мама, а старшая сестра. Визит женщину удивил, она застыла на пороге с приоткрытым от изумления ртом, но быстро нашлась.

– Проходи, – голос прозвучал мягко и приветливо.

– Здравсьте, – смущённый необычным поведением, буркнул Димка.

– Мы пришли в шахматы поиграть, – Мишка разулся и, приоткрыв дверь в одну из комнат, ждал его. Тот скинул кеды и поспешил следом.

С того дня Димка взял над очкариком шефство: он разгонял мальчишек, когда те дразнили и обижали его, играл со слепышом в мяч, камушки и ножичек, когда друзья разбегались по домам, помогал в магазине узнавать цены, подсказывал, когда и с кем здороваться на улице, читал вслух информацию на школьных стендах.

Наблюдая за смелым знакомым, Миша стал уверенней. Теперь он перемещался гораздо быстрее, не боялся самостоятельно ходить в магазин, в школе вплотную подходил к стенду и сам находил нужную информацию. С каждым разом у него всё лучше получалось играть в футбол и баскетбол: он двигался быстрее, смелее и активнее, научился подкручивать и чеканить мяч, всё чаще, хоть и с небольшого расстояния, попадал в кольцо, однако по-прежнему шурился и напрягался, когда мяч летел ему в лицо.

Димка был доволен успехами подопечного. По четвергам он ходил к Мише играть в шахматы. Он не мог похвастаться большими успехами, но будучи упрямым приходил снова и снова. Однажды, сам не зная как, он выиграл. Успех воодушевил и наполнил энтузиазмом. Приятное чувство помогло увереннее держаться. Теперь Димка играл с удовольствием и живым азартом.

Их отношения нельзя было назвать дружескими, но день за днем они продолжались. Возможно, постепенно ребята сдружились бы, но однажды семь лет спустя...

Тёплым весёлым майским днём Димка заболел. Через месяц ему должно было исполниться шестнадцать. Он радовался, что успеет распрощаться со школьными делами и спокойно отдохнуть, и болезнь случилась очень некстати. Поднялась температура тридцать семь и три. Вместо того чтобы пойти в школу, он пошёл к врачу. Вообще, он хотел вызвать врача на дом, но в регистратуре заявили: температура небольшая, дойдёт до поликлиники сам. Димка дошёл, отсидел получасовую очередь, выслушал диагноз – простуда, получил список лекарств и направился в аптеку. По дороге заглянул в школьный двор, вдруг там свои, заодно скажет, что не придёт. На площадке у невысокого забора стоял Мишка и неотрывно смотрел, как Гаврин собирался пробить. Димка видел, как хулиган с силой пнул мяч. Тот подскочил и взмыл в небо, и, описывая дугу, с сумасшедшей скоростью полетел в Мишкину сторону. Тот некстати отвлёкся на окрик проходящей мимо девочки и не увидел траекторию полета. Чтобы перехватить подачу и защитить незадачливого товарища, Димка сорвался с места и бросился мячу наперерез. Он неудачно споткнулся о ветку дерева, вовремя поймал равновесие, но упущен-

ные секунды не позволили принять нужную позу. Мяч ударил Димку по голове. От сильного удара он пошатнулся и сел, из глаз посыпались искры, на смену которым пришли тёмные круги, волной накатила дурнота. Мишка подхватил Диму под руку и помог встать. Молодой человек осмотрелся и понял – что-то изменилось.

Соломон

В Диминой семье важные решения всегда принимал отец, но в этот раз... Мама стояла лицом к окну, терпеливо слушая рассуждения мужа о том, как лучше возить сына в новую школу, а потом тоном, не терпящим возражений, заявила:

– Мы переезжаем.

– Представься, пожалуйста, классу и расскажи о себе, – учительница опустила голову на сплетённые в замок пальцы.

– Жил да был Остроумов Соломон Спиридонович, – в тот момент Димкой правила лишь злая ирония.

– Садись, Остроумов Дмитрий Алексеевич, – учительница указала на место за второй партой у окна. – Пытаешься оправдать фамилию?

Молодой человек пожал плечами, прошёл и сел. За время урока он не проронил ни слова, сидел и смотрел в окно на проезжающие мимо машины, на поверхность стола, где ломаными линиями расходился рисунок дерева, на таблицу Менделеева, где, кроме клеток, он теперь ничего не видел. Дима старался смотреть куда угодно, только не на учителя и не на ребят: не нравилось ему здесь – всё чужое, все чужие. На перемене он поспешил в уборную; может, вырвет. Но, как он ни старался, его не рвало, даже стойкий запах мочи не вызвал позыва. «Этот кошмар никогда не кончится!» – он открыл окно и сел на подоконник. Ему хотелось взять в руки палку и разнести всё вдребезги.

В школьном дворе две девчонки качались на качелях и весело смеялись. Диму разозлила злость. Он не понимал, как можно смеяться, если толком ничего не видишь? Как вообще можно чему-то радоваться, если ты заперт в месте под названием «школа-интернат для слабовидящих»? Страшные названия всплыли в голове: глаукома, катаракта, атрофия, миопия – эти трудные, непонятные слова здесь знали наизусть, как таблицу умножения. У каждого здесь были эти самые глаукомы, катаракты, миопии, астигматизмы и прочие ужасы, но самое страшное, что теперь и у него в карте стоял одно из этих диагнозов: частичная атрофия зрительного нерва, так называемые осложнения после отслоения сетчатки и болезни.

«Пока я вижу, но что будет дальше? – Дима уронил голову на колени. – Врач сказал, может быть только хуже, сказал шепотом, чтобы я не услышал, но я услышал и теперь не знаю, что с этим делать». За дверью раздался шум. Молодой человек вскинул голову. В туалет вошёл высокий худой мужчина лет сорока в сером костюме-тройке и чёрной рубашке. Его седоватая шевелюра была аккуратно уложена, широкие усы слегка свисали и прикрывали губу, а серые глаза смотрели на мир с грустью. «Интересно, какой предмет ведёт усатый?» – Дима ждал, пока тот сделает первый ход, и пытался понять, о чём думает учитель, и тут же раздражение закипело с новой силой: раньше он улавливал малейшее движение мускулов на лице, а теперь лишь общие черты, и всё. Мужчина подошёл ближе.

– Что ты тут делаешь? – он пытался оценить обстановку.

– Пью и курю, – кипевшее негодование вырвалось наружу в виде колкого сарказма.

– Угостишь? – мужчина, словно ожидая, что ему на самом деле дадут прикурить, протянул вперед руку.

– Закончились, – Дима растерялся, так как подобной реакции не предвидел.

– Закрой окно и иди в класс, звонок к уроку давно дали. Если не поспешишь, останешься на дополнительные занятия, – учитель со знанием дела расписал последствия прогула и вышел.

Дима нехотя сполз с подоконника и медленно пошёл по коридору: оставаться на дополнительные занятия он не хотел. Молодой человек открыл дверь кабинета истории и застыл: за столом сидел усатый. Жестом он пригласил Диму войти.

– Соломон опоздал, – раздался смешок с задней парты.

Там сидел крепкий высокий парень с русыми взъерошенными волосами, горбатым носом и весёлыми глазами. «Отъявленный хулиган», – мелькнуло в Димкиной голове. Класс разразился весёлым смехом. Диму это только подхлестнуло.

– Всё пройдёт, пройду и я на свое место, – он взглянул на «хулигана» ещё раз, сел и задумался.

Старая школа – типовое здание, построенное в традициях однообразия и безликости: тёмные серые коридоры вели школьника в буднично-серые классы, которые оживлял лишь одарённый Богом педагог. В момент, когда педагог брал слово, казарма для учащихся превращалась в обитель человеческого воображения и мышления, но урок заканчивался, и всё возвращалось на круги своя: учитель растворялся в пространстве длинного тёмного коридора, а класс поглощал хаос, наполненный криками, смешками, толкотнёй и в конечном итоге согласованным бегством.

Школа, в которой находился Дима сейчас, разительно отличалась от предыдущей. Первое, что бросилось новичку в глаза, – это крыльцо. Четыре белые колонны, искусно соединённые балясинами, напоминали парадный вход в старинную усадьбу. Отсутствие забора, ограждающего ступени крыльца, рождало ощущение свободы. Длинные светлые коридоры с большими окнами встречали ученика натёртым паркетным полом, легким тюлем, удобными большими пуфами и столами, разлинованными под шахматную доску. Череда классов через дружелюбно распахнутые двери демонстрировала индивидуальное оформление. Вот и кабинет истории, в котором оказался Дима, отличался от остальных. Небольшая комната в два окна, тюль и шторы на окнах, цветы на подоконниках, три ряда парт, большая доска, по бокам которой висят синие шторы, карта России и плакат с флагами различных стран. В конце комнаты, в правом углу, выставка: макеты различных исторических предметов. Тут находились и мечи, и ножи, и шпаги, и шлемы со щитами, костюм крестьянина и лапти, самовар и чугунок, кочерга и прочая утварь. Одно окно в кабинете приоткрыли, чтобы не было душно; с улицы доносился шум машин, пахло сырой осенней землёй. Дима вспомнил, что по форме здание напоминает перевернутую букву «п», это он узнал, рассматривая пожарный план в первый визит. Левое крыло школы отвели под классы, а правое – под спальни. Как узнал Дима, почти все ученики оставались в школе на пятидневку.

То ли потому что он был новеньким, то ли потому что не проявлял к происходящему интереса, но за время урока Диму ни разу не спросили. Благополучно задремав, он очнулся только тогда, когда кто-то положил ему тяжёлую холодную руку на плечо. Повеяло чем-то неживым и потусторонним. Он скосил взгляд и вздрогнул; на плече лежала чёрная морщинистая лапа. Димка вскочил и порывисто обернулся. Класс сотрясся от громкого хохота. Смеялись мальчишки во главе со светловолосым хулиганом. Это он ради смеха прицепил себе руку неандертальца и теперь приветливо махал ей. Дима покрутил пальцем у виска, а светловолосый поднял руку и, сотрясая ею воздух, громогласно заявил:

– На уроках спать не положено, а то станешь неучем, как мы – твои предки! – той же рукой он потёр затылок. – Остроумов, фамилиями махнёмся? – предложил задира, так как остался доволен выходкой.

– Чем собственная не угодила? – Дима подхватил рюкзак и запихал в него учебные принадлежности.

– Соломон шуток не понимает, – хмыкнул хулиган. – У меня звучная фамилия – Зыков, – похвастал он, – а ты лишь Остроумов, что, кстати, ещё доказать надо.

– Я не знаю, где кабинет литературы, – Дима не хотел спорить и пререкаться, поэтому перевел разговор в другое русло.

– Айда со мной – не пропадёшь! – светловолосый положил руку неандертальца на полку, схватил портфель и, подтолкнув Димку в спину, вышел из класса.

Кабинет русского языка и литературы находился на четвертом этаже в конце коридора, напротив кабинета химии.

Светловолосый развалился на пуфах, которые стояли под окном. В класс войти он не торопился. Прозвенел звонок. Дима, чтобы узнать, где ему разместиться, заглянул внутрь, но учителя в классе не было, поэтому он нерешительно остановился возле двери. Девчонки весело сновали туда-сюда, будто звонка не было.

– Ну и где наша Марго пропадает?! – поинтересовался хулиган, всматриваясь в конец коридора.

– Я тут, Ромочка, – как из-под земли перед ними появилась женщина.

Она была совсем маленькая, чуть больше метра, с едва заметным горбом и весёлыми вьедливыми глазками, которые внимательно смотрели на мир поверх круглых очков. Она осталась перед «хулиганом», кончик её туфли заплясал влево-вправо, влево-вправо.

– Сходи в учительскую за журналом, – попросила она светловолосого. – Остальные в класс.

Дима внимательно посмотрел на женщину: «Учитель, адекватно реагирующий на выходки учащихся?» – таких преподавателей он ещё не встречал.

– Новенький? – учительница смерила глазами Диму, который маячил в дверном проеме. Тот кивнул. – Можешь занять любое свободное место.

Новичок разумно осмотрелся. В кабинете, не считая его, было семь учеников. На первых двух партах сидели девчонки, дальше, по одному, располагались мальчики. Один стол пустовал. Дима, не раздумывая, двинулся в его сторону, но вовремя спохватился. «Последняя парта пустует?» – он вспомнил отсутствующего хулигана, обогнул парту и сел рядом с парнем, напоминающим отличника. Вид у одноклассника был умный и сосредоточенный, на носу прочно сидели круглые, как у кота Базилио, очки, только стёкла были не тёмными, а прозрачными. Он кого-то смутно напоминал, но кого – Димка не мог вспомнить. Он обернулся, чтобы составить окончательное мнение о месте, в которое попал. В конце класса висели два стенда с информацией о русских писателях. В данный момент один стенд занимал Александр Сергеевич Пушкин, другой... Димка перевёл взгляд на соседа и замер. Отыскивая схожие черты, он сверлил его глазами. «Бывает же!» – думал он, переводя взгляд с портрета на соседа.

– Тонь, – внезапно прозвучало над самым ухом, – Соломон тебя узнал, – и тут же Диме. – Похожи они, правда?

Дима встретился с «хулиганом» взглядом – тот весело улыбнулся и пожал плечами. Одновременно зазвучало два голоса:

– Сколько можно повторять одно и то же, – зло шипел один. – Не называй меня так!

– Рома, разбери предложение на двадцать пятой странице, второй абзац, – другой, тонкий и высокий, был спокоен и выразителен.

– Влип из-за вас, – опускаясь на место, буркнул светловолосый.

«Тонь? Это производное от Антона?» – Дима вопросительно посмотрел на соседа, потом ещё раз на стенд; молодой Чехов смотрел вдаль и легко улыбался. «К тому же тёзки?» – он перевел глаза на страницу, расставил знаки препинания и заполнил пропуски в тексте.

Незаметно прошла первая неделя, а за ней вторая. Дима постепенно привыкал к людям, к месту. Единственное, что злило, раздражало и к чему никак не хотелось привыкать, – «новое» зрение. Стало трудно запоминать и узнавать людей. Если раньше хватало бросить взгляд и сразу запомнить человека, а при новой встрече в знак приветствия помахать рукой издали, то теперь... Теперь, чтобы кого-то запомнить, его необходимо было рассмотреть, при этом желательно подойти поближе и поговорить минуту-другую. И сколько бы новый знакомый ни махал издали, ответить на приветствие стало просто невозможно: мало ли кто там машет!..

Пейзаж вдалеке превратился в нечто неопределённое: вроде всё видно, но нет чёткости образов, они размыты и от того утеряны. Из окон соседних домов «пропали» соседи, будто

съехали, хотя Дима наверняка знал, что те по-прежнему там живут. Тяжелее всего приходилось во время беседы: раньше им «читались» малейшие изменения на лицах, а сейчас лишь общие черты.

Как выбрать кружок

Неделю спустя Дима сидел в школьном коридоре и просматривал список кружков: ему надо было выбрать, чем заниматься во второй половине дня. Накануне классная руководительница, та самая, с адекватной реакцией, протянула ему лист и тонким голосом сказала:

– У нас в школе в свободное от уроков время все чем-то заняты. Выбери себе дело по душе.

Дима вытянул руки вперёд и посмотрел на страницу – ничего. Точнее, только тонкие полоски вместо букв и слов. Он положил лист на пуф и закрыл глаза.

– Я... Ты... Мне нужен партнёр.

От неожиданности Дима вздрогнул. Перед ним стояла хорошенькая девушка с зелёными глазами и волосами цвета пшеницы, которые слегка вились. Она склонилась к его лицу так близко, что её глаза казались нереально большими.

– Партнёр? – Дима невольно отпрянул: от неожиданной близости он испытал дискомфорт.

– По танцам, – девушка, наоборот, подалась вперёд. – Нет только у меня, а нам пора готовиться к выступлению. Сначала школьное, потом...

– Я не умею танцевать, – запротестовал Димка. – И вообще...

– Анна Константиновна в этом году вальс ставит. Я тоже не умею его танцевать. Мы будем учиться вместе. Пожалуйста, – она сцепила пальцы. – Мальчишки только и делают, что играют в футбол, баскетбол, волейбол. Стоит упомянуть танцы – их ветром сдувает! Я уже не знаю, кого просить.

Дима совершенно растерялся, поэтому промывчал что-то невнятное.

– Значит согласен? УРА!!! – девчонка подскочила от радости. Попробуй скажи после этого «нет». Так Дима выбрал первый кружок. – Меня зовут Алиса, – тем временем представилась новая знакомая и села рядом. – Я знаю, ты в параллельном 10 «Б» учишься.

– Это точно школа, а не цыганский табор? – пошутил Димка, так как его поразила скорость распространения информации.

– Цыганский табор? – Алиса, не уловившая сарказма, нахмурилась, но потом нашлась. – Наша школа действительно похожа на табор: здесь много тех, кто любит веселиться, – она быстро вскочила и, помахав рукой, исчезла за поворотом.

Войдя после уроков в актовый зал, где проходили репетиции танцевального кружка, Дима увидел светловолосого весельчака Ромку. Тот сидел на сцене и делал растяжку.

– Соломон, тебя каким ветром занесло? – весельчак вопросительно вскинул брови.

– Ветром перемен, сын мой, ветром перемен, – Димка пытался соответствовать прозвищу.

Он прошёл в зал и встал у сцены. Предоставленный сам себе, он мог спокойно осмотреться. Расставленные по периметру стулья освободили пространство, натёртый до блеска паркетный пол красивым рисунком притягивал взор, сверкающие зеркала, которые располагались в конце помещения, вызывали ассоциации с танцевальным залом. Дима посмотрел на отражение и отвернулся; только нечёткий силуэт.

В кружок, помимо Алисы, входило ещё шесть человек: одноклассник Антон – тёзка Чехова, Ромка, старшеклассник Виктор – высокий стройный брюнет с красивым тонким лицом и надменным выражением на нём, Юля – худенькая брюнетка с холодным взглядом, безразличная к происходящему вокруг, молчаливая Марина, или Снежная Королева, – девушка-альбинос, в отличие от героини сказки, казалась приветливой и доброй, и Наташа – весёлая, шумная, вспыльчивая брюнетка с большими карими глазами и курносый носом.

– Соломон, ты раньше танцами занимался? – Ромка сел на край сцены, и их головы оказались на одном уровне.

– Нет, – в это время Димкин взгляд упал на стоящий справа концертный рояль.

– Придётся попотеть, – радостно заявил весельчак.

– Зачем вообще явился? – надменность угадывалась в каждом движении Виктора: поворот тела, наклон головы, взгляд.

– Позвали – пришёл, – теперь Димка рассматривал обрамлённые ковкой люстры с многочисленными плафонами.

– Если позовут в колодец прыгнуть – прыгнешь? – по лицу Виктора скользнула холодная усмешка.

– В пустыне прыгну, – Димкин взгляд флегматично гулял по лепнине, расположенной по периметру потолка.

– Съел? – Ромка скорчил брюнету гримасу. – Соломон – свой человек! – он с силой хлопнул того по плечу. – Принимаю тебя в ряды интернатовских хулиганов! – очередной хлопок бросил Димку вперёд. Чтобы не свалиться, он по инерции сделал шаг вперед.

– Польщён, – добавил сдавленно.

В этот момент в помещение вошла женщина на вид лет сорока – сорока пяти. Первое, что бросилось в глаза, – её прямая осанка, решительный шаг и изящные движения. Светло-русые волосы она закрутила на затылке. Женщина окинула присутствующих мимолётным взглядом, поставила сумку на стул возле рояля, стала в ней что-то искать и, не оборачиваясь, обратилась к присутствующим:

– Всем добрый день! – она извлекла на свет бутылку с водой, поставила её рядом с сумкой, потом внимательно посмотрела на Диму. – Приятно видеть в наших рядах пополнение. Мышцы слабые, их придется подтянуть. Раньше танцами не занимался, значит, начнем с азов. Становись вместе с ребятами, у нас разминка. Алиса опять опаздывает? – она подошла к магнитофону и обернулась: – Ты ещё не на сцене? – спросила удивлённо. Дима поднялся по ступенькам и, не зная, куда себя деть, застыл. – Справа от Наташи, – тут же уточнила женщина.

Заиграла музыка. Учительница отошла от магнитофона, встала по центру и стала показывать движения разминки. В ход шло всё тело: руки, ноги, плечи, кисти, ступни и голова. Все как один повторяли движения. Дима чувствовал себя совершенно по-дурацки: мало того, что он ничего не умел, так ещё и не успевал.

– Плечи, плечи работают, – подсказывала женщина, умело передвигая ими. – Раз, два, три, четыре.

– Анна Константиновна, вы действительно примете этого выскочку? – Виктор кивнул в сторону неумело двигающегося Димки. Присутствие новичка не давало ему покоя.

– Позволь, я не буду перед тобой отчитываться, – в голосе женщины проскользнули резкие нотки. – Лучше соберись, ты отстаёшь, – она перешла к новому движению, на которое не успел среагировать Виктор.

Теперь Дима знал, что преподавателя по танцам зовут Анна Константиновна. Хлопнула дверь. Рядом встала Алиса и, не говоря ни слова, включилась в работу. Преподаватель выключила магнитофон и, водрузив руки на пояс, стала расставлять ребят на позиции, которые они будут занимать в танце.

– Две пары по краям, две в глубине, ближе к центру. Здесь придётся потесниться, но в «России», как вы уже знаете, сцена на порядок больше. Не потерялись бы вы там.

Дима не знал и не хотел знать, о какой «России» идёт речь. Ему всё больше и больше не нравилось в этом пропитанном движениями месте. Анна Константиновна сошла со сцены и оценила расстановку.

– Хорошо, – она осталась довольна. – Теперь спускайтесь, покажу движения и основной ход. – В партнёры она выбрала Диму и, не давая опомниться, стала объяснять, как двигаться. –

Первое: люди видят нас так, как мы им себя преподносим, – точным движением Анна Константиновна расправила его плечи и показала, как нужно держать корпус. – Второе: молодой человек с правой ноги шагает вперёд, следом двигается влево и подставляет ногу, – движения учителя точно совпадали со словами. – Чтобы танец был плавным и красивым, а не отрывистым и резким, добавляем скольжение, – она проделала те же шаги, но придала им плавность. – На первый счёт тело немного опускается, во второй максимально поднимается, на третий приходим в исходную позицию и начинаем спуск. Это – «малый квадрат». Важно, что партнёр создаёт для партнёрши форму, раму, основу, в которую та должна умело вписаться. Девушка, в отличие от молодого человека, делает первый шаг назад и начинает его с левой ноги. Голова партнёрши поднята и слегка повернута. Итак. Раз, два, три – ваш ход, – она посмотрела на молодых людей. – И раз, два, три – ваши шаги, девочки. – Анна Константиновна подошла к Диме, положила его руку себе на лопатку, вторую заключила в ладонь. – Подбородок подними, спину выпрями, локти расправь, – она ловко поправила позу и добавила напоследок. – Теперь води.

Дима с трудом справлялся с поставленными задачами, с непривычки тело странно гудело и напрягалось, а ему ещё надо было куда-то кого-то вести. «С правой ноги вправо», – вспомнил он и, преодолевая мышечное сопротивление, сделал малый квадрат.

Из раза в раз, минута за минутой, они повторяли одни и те же движения. Алиса плохо держала корпус и время от времени висла на Диме. По невнимательности она путала движения и наступала ему на ноги. Прочно удерживая в голове схему, Димка двигался правильно, но скованно и отрывисто. Его голова от напряжения странно гудела, а мышцы превратились в стальные тросы.

Двадцать минут спустя Анна Константиновна показала фигуру под названием «большой квадрат», который содержал серию поворотов. Единственная пара, которая без ошибок справилась с поставленной задачей, – Виктор с Юлей. Они двигались так грациозно и умело, что Димка почувствовал себя мешком с картошкой. «Да, – думал он, возвращаясь в класс, – пока не поздно, стоит уйти».

– Неплохо для первого раза, – его догнал Рома. – Так сказала Анна Константиновна. Всё-то тебе удастся, Соломон, – искренне возмутился он, потом прибавил ходу и вскоре скрылся за углом. Послышались шумные скачки по лестнице.

Дима остановился: «Всё удастся?» По сравнению с остальными он передвигался несурово и чувствовал себя не в своей тарелке, а говорят: «Неплохо для первого раза?» Дима вспомнил уверенные точные плавные движения Виктора и сглотнул: «Мне с ним не сравниться».

Дома он не стал рассказывать, что вступил в кружок танцев: во-первых, сам был в этом не уверен, во-вторых, мама и младшая сестра Варя пристанут с расспросами, а вдаваться в подробности он не хотел.

Второе занятие началось с экскурса в историю:

– Вальс – сравнительно молодой танец, ему около двухсот лет. Есть несколько версий его происхождения. Одна гласит, что прародителем вальса стал стремительный немецкий вальцер, другая утверждает, что вальс произошёл от трёхдольного танца немецких крестьян, который танцевали парами по кругу. В ходе развития танец менялся, приобретая знакомые нам с вами черты. Долгое время вальс считали развратным и постыдным, особенно в чопорной Англии, но задуть стремление людей изящно двигаться всё же не удалось. Значимыми фигурами в развитии танца стали композиторы эпохи романтизма. Вальс – нежный, скользящий танец. Он разнообразен, несмотря на укомплектованный набор движений. Его красота и зрелищность напрямую зависят от профессионализма и энергетики танцоров. В ближайшее время подберу для вас ту мелодию, под которую вы будете выступать, а пока потренируетесь на разных позициях. Вам необходимо почувствовать темп и ритм.

В этот раз Анна Константиновна сразу поставила их в пары, чтобы они научились чувствовать партнёра. Близость Алисы нервировала Димку. Он старался сконцентрироваться на движениях, но, не видя смысла в происходящем, возвращался мыслями к рядом стоящему человеку. Он сделал невероятное количество ошибок, прежде чем Анна Константиновна остановила занятие. Её голос прозвучал резко и громко.

– Танцы – это не только заучивание движений, это, как я уже сказала, умение красиво двигаться. Стройность, пластичность, активность всегда привлекали людей. Привлечение человека – нашёл собеседника, друга, девушку. Список можно продолжить, – её раздраженный взгляд скользнул по Диме. – Если кто-то считает танцы ненужным занятием, не задерживаю.

Пришлось взять себя в руки: привлекать внимание – нужный козырь в рукаве. К тому же Алиса, видя его скептицизм, выразила явное неудовольствие.

В тот раз из зала Димка ушёл последним: за провинность перед товарищами Анна Константиновна попросила его расставить стулья. Ромка решил было помочь, но преподаватель бесцеремонно выгнала его. Минут двадцать Димка возился со стульями. Женщина сидела на сцене и наблюдала за ним. Когда же он собрался уходить, подозвала жестом.

– У тебя хорошее чувство ритма, хороший слух и – главное – умение чувствовать музыку, дар, который дан далеко не каждому. В общем, все данные, чтобы научиться танцевать. Это первый и последний раз, когда я говорю тебе это, – она взяла Диму за предплечье. – Не хочешь танцевать – не трать ни моё, ни своё время, но если я увижу тебя на следующем занятии, поблажек не жди, – она стремительно вышла, оставив Димку в растерянности.

И опять-таки Дима не рассказал родным о том, что занимается танцами. Но разговор о танцах дома всё же состоялся. Точнее, Дима присутствовал при разговоре сестры с подругой. Они обсуждали какие-то фильмы, где речь шла непосредственно об умении красиво двигаться. Девчонки вздыхали, мечтательно закатывали глаза, охали, восторженно восклицали, обсуждая танцоров и романтические моменты фильма. От радостной атмосферы, воцарившейся в комнате, Димку слегка подташнивало. Он хмурился, скептически переводил взгляд с одной девушки на другую, задумчиво тёр лоб, барабанил пальцами по столу, но, пытаясь понять, что им нравится, терпеливо слушал пылкие восторженные речи. Наконец, не выдержал притворности и вставил:

– Я вчера фильм про Дракулу смотрел.

Комната погрузилась в напряжённую тишину. Варя понимающе переглянулась с подругой, потом презрительно покосилась на брата.

– Кровавицы да войнушка на уме, – она повернулась к подруге. – Давай поклянемся за придурков замуж не выходить.

Подруга Таня понимающе закивала в ответ.

По вискам стучало: «Привлекать внимание людей. Привлекать внимание». Димка задумался: «У меня выходит привлекать внимание со знаком минус, а надо со знаком плюс». На следующее занятие он пришёл первым и повторил движения, которые плохо получались в прошлый раз.

Интернатовские хулиганы

Урок истории начался с переключки. Потом последовал опрос по пройденному материалу. Впервые вызвали Диму. Он нехотя вышел к доске, посмотрел на учителя, который, надев очки, вписывал в журнал присутствующих, и неожиданно для самого себя спросил:

– Можно я буду отвечать и ходить?

Дима всегда легко сосредотачивался и вспоминал материал именно так. Но в прежней школе этот номер не прошёл бы, а в этой?.. Молодой человек с нетерпением ждал ответа.

– Ходи сколько влезет, – учитель указал на свободное место у доски.

Дима повёл плечами и, рассказывая нужный параграф, стал расхаживать по классу от учительского стола до двери и обратно.

– Соломон в своём репертуаре! – Ромка привстал с места, словно желая убедиться, что глаза ему не врут.

– Рома, – Юрий Антонович поднял голову, – вот ты называешь человека Соломоном, а знаешь ли ты, кто это?

– Жил такой умник, он разрешал споры и улаживал конфликты между людьми, – не растерялся тот.

– Умник! – обернувшись, с места возмутился Антон. – Соломон был третьим еврейским царём, мирно правящим окрестным народом, развивающим торговую и промышленную деятельность, увеличивающим богатство и внешнее благополучие, – юношу подчас раздражало грубое невежество друга, а точнее, нежелание исправлять его. – На иврите Соломон звучит, как Шломо, – теперь он посмотрел на Димку. – Хочешь, мы будем тебя так называть? – Димка к Соломону никак привыкнуть не мог, а непонятное «Шломо» вообще вывело его из себя. Антон, не дожидаясь ответа, продолжил рассказ. – При рождении пророк Натан выделил Соломона среди прочих сыновей Давида и дал ему имя Едидья, что означает «любимец» или «друг Бога». Некоторые полагают, что это и было настоящее имя царя, а «Шломо» – прозвище, означающее «миротворец».

– Правильно, – учитель обратился к классу. – Это интересная личность в истории, о которой до сих пор временами спорят. Библия рисует нам две стороны сущности царя. С одной стороны, он предстаёт во всем величии, могуществе, мудрости и блеске славы, с другой – это нравственно упавший и бессильный человек.

– Так не бывает, – Ромка недоверчиво покосился на учителя. – Либо смел и мудр, либо слаб и глуп.

– Что ж, – историк провёл несколько раз по усам. – В твоём рассуждении есть рациональное зерно, но существует одна легенда о портрете Соломона, – учитель заговорщически понизил голос. Чтобы его лучше слышать, Ромка подался вперёд и почти лёг на парту. – Царица Савская, поражённая мудростью, даром прорицания и личностью Соломона, решила раскрыть секрет его магической силы, потому послала к правителю своего лучшего живописца. Когда тот вернулся с портретом, царица Аравии собрала лучших мудрецов и предсказателей, умудрённых в физиогномике, и попросила их определить источник мудрости и силы Соломона. «Царица, – отвечали мудрецы, – это портрет человека жестокого, надменного, алчного, одержимого желанием власти и всеми существующими в мире пороками». Не поверила им царица, а между тем мудрецы и живописцы стали между собой спорить, выяснять, кто же прав. Видя возникшие противоречия, царица решила отправиться к Соломону и разрешить мучившие её сомнения. Прибыв на место, она с первого взгляда убедилась, что художник безупречно написал портрет. Преклонив колени перед великим человеком, царица Аравии попросила прояснить противоречия: «Вначале, пока я не видела тебя, думала, что ошибся художник, ибо мои мудрецы наиболее сведущи в науке физиогномике. Теперь я убеждена, что они совершенно

недостойные люди и их мудрость пуста». Соломон ответил: «Это не так. Правы мудрецы, ибо все пороки, которые они перечислили, действительно были даны мне природой и даже в большей степени, чем они усмотрели в портрете. Однако я боролся с ними, постепенно преодолевая и растворяя их, пока всё противоположное не стало моей второй натурой. И в этом заключается моя сила и величайшая гордость». Заметьте, даже в легенде личность царя выглядит противоречиво, – Юрий Антонович пристально посмотрел на Диму. – Что ты знаешь о Соломоне? Подобное прозвище много весит.

– Знаю, что у него было кольцо с надписью: «Все пройдёт. Пройдёт и это».

– Что ж, – учитель, как бы ставя точку, положил ладони на стол. – Всё с вами ясно. Персональное задание получают Дмитрий и Роман. Через две недели жду от вас реферат на тему «Кто же он – Соломон?», плюс совместный красноречивый, подкрашенный легендами рассказ по данной теме. Теперь вернёмся к девятому параграфу.

После урока Дима подошёл к Роме – он хотел договориться, когда и как они будут писать реферат. Весельчак взъерошил шевелюру и, потянувшись, заявил:

– Напишем, не переживай.

Стало очевидно: основную работу придется взвалить на свои плечи, иначе с мёртвой точки им не сдвинуться.

– Оставайся сегодня в школе, устрою прогулку на чердак, – шепнул Ромка Диме на ухо. – Это не менее интересно, чем царь, живший много веков назад.

– Если быть более точным, то три тысячи лет назад, – быстро убирая вещи в рюкзак, поправил друга Антон. Услышав его наставительный тон, Ромка поморщился.

– Ты вообще чем-нибудь интересуешься? – Димка поддержал Антона, так как не хотел писать реферат в одиночку. – Назови любимый предмет.

Антон перестал собираться. Ожидая ответа, он пристально наблюдал за другом.

– Любимый?.. – Ромка упёрся взглядом в потолок, потом, отмахнувшись, пожал плечами. – Историю не люблю, она, как и археология, мутная наука.

– Мутная? – Димка не понял, на что намекал одноклассник.

– Сам посуди, мало ли, что и когда произошло. Мне совсем не интересно, какого цвета была шляпа на голове у Наполеона, когда он мнил себя завоевателем мира. Знать, что такой человек был, конечно, следует, но дотошно изучать каждый его шаг – увольте. А археологи, – Ромка откинулся на стуле и сцепил руки за головой замочком, – найдут ночной горшок и ходят вокруг него, восхищаются: «Какая роспись! Какая форма! Какой интересный глиняный цвет!» Нет, ты не подумай, – он поднялся и быстро покидал учебные принадлежности в сумку, – я их заслуг не умаляю. Просто не по мне это.

– У тебя не только с историей, но и с вниманием проблемы, – Антон застегнул рюкзак. – Тебя спросили о любимом предмете, а не о том, почему не любишь историю.

– Тонь, – Ромка скорчил гримасу и по-спортивному, словно собирался драться, размял кисти, – тебе не говорили, что умники вроде тебя долго не живут? И это, кстати, не моя выдумка, а исторический факт, – он взмахнул руками и начал перечислять. – Цезарь, Наполеон, Галилео Галилей...

– Во-первых, я не умник, а обычный школьник, изучающий предмет с интересом. Во-вторых, мне льстит, что ты поставил мою скромную личность в один ряд с довольно выдающимися особами. В-третьих, последний, да будет тебе известно, умер в возрасте семидесяти семи лет, что прилично даже для нашего времени. Было бы уместней, если бы ты закончил ряд Александром Македонским, – Антон направился к двери, но в проёме обернулся. – Кстати, ты так и не ответил, какой предмет любишь.

– В отличие от некоторых, я не предметы люблю, а людей, – ехидно заметил Ромка. Надо признать, он никогда не терялся. – Люблю тех, кто рядом здесь и сейчас.

– Историк ты неважный, но язык у тебя подвешен отменно, – Антон быстро вышел.

– Видел? – довольно вздёрнул подбородок Ромка. – Тонька меня похвалил.

Он подхватил сумку и, напевая себе под нос «людей надо любить, людей надо ценить», пошёл к двери. Димке вспомнился мультфильм про чертёнка, который уверял, что любить надо всех, и у него непроизвольно вырвалось:

– Тринадцатый!

– Что? – Рома обернулся, так как не расслышал сказанного.

– Буду звать тебя Тринадцатым, – Димкино решение было твёрдым: очень уж прозвище подходило новоявленному другу.

– С чего вдруг? – тот выглядел настороженно и озадаченно.

Дима пожал плечами и пошёл к выходу, а Ромка, следуя за ним по пятам, донимал, почему он вдруг сделался Тринадцатым. Димка упорно хранил молчание: «Пусть помучается. Навыдумывал другим прозвищ, а сам ходит без забот. Где справедливость?» В вестибюле Ромка сдался и, остановившись, спросил:

– Так ты остаёшься или домой идёшь?

По правде говоря, Диме было интересно, что ребята делают в школе после того, как заканчиваются уроки, но приставать с расспросами не хотел. Тут выпала прекрасная возможность разведать все самому. Он подошёл к телефону, который стоял на столе у вахтера, и набрал домашний номер. В ответ на вопрос, можно ли ему остаться на ночь, в трубке он услышал напряжённое мамино молчание; причиной их переезда была близость школы и возможность для Димы возвращаться домой каждый день.

– Не думаю, что это хорошая идея, – нотки тревоги угадывались в её голосе, – но если хочешь... – она запнулась.

– Хочу, – твердо заявил Димка.

– Хорошо, – сдалась мама.

После уроков класс принудительно выгнали во двор на прогулку. Оказалось, и это было для Димы новостью, что после уроков за ребятами присматривает воспитатель. В Димином воображении быстро предстал детский садик и толпа выбегающих на улицу малышей. Он чуть было не подавился собственным смехом, но, представив в этой весёлой ватаге себя, резко тряхнул головой. Смеяться почему-то расхотелось.

Воспитательницу, присматривающую за 10 «Б», звали Ольга Петровна. Это была женщина невысокого роста, полненькая, примерно сорока пяти лет, вспыльчивая и немного суетливая. Говорила она быстро, но чётко. Когда нервничала, краснела. Одевалась аккуратно и строго. Светлые волосы в многочисленных кудряшках почти никогда не собирала в причёску.

Как только ребята вышли во двор, воспитательница выдала им инвентарь: мётлы, грабли и мешки. Она быстро, со знанием дела разделила территорию на участки, которые следовало убрать, показала, что и как делать, и принялась за работу. Прогулка в тот день прошла плодотворно, под лозунгом, выдуманным девочками: «Долой осени красу!»

В Димином 10 «Б» училось три девочки: полная низенькая Настя Хнурина, которая всегда хмурилась и недовольно сопела, хохотушка Оля Заварская со светло-серыми кудряшками и обаятельными ямочками в уголках рта, и обстоятельная Люда Строгонова, умная девочка, про которых говорят – «себе на уме».

Еще два парня, два друга, лоботряса, бездельника и прогульщика: Петька Квашнин и Лёшка Светлов – умудрились отличиться. Как только Ольга Петровна ушла искать дворника, они побросали мётлы и удалились в неизвестном направлении. Через полчаса вернулись во двор подвыпившие и веселые. Они хихикали по поводу и без, изыскались друг с другом жестами и умилялись собственной выходке, старались держаться прямо, но всё время заваливались. Чтобы скрыть запах изо рта, они одну за другой жевали конфеты.

Вернувшись в класс, ребята принялись за выполнение домашней работы. Каждый был занят делом, в комнате воцарилась тишина. Дима поднял голову и осмотрелся. Он ещё на уро-

ках обратил внимание, что почти все здесь пишут «носом», то есть головы над учебниками и тетрадками склоняют низко-низко. Дима задумался, а как он склоняется над книгами, когда читает. Он перевёл взгляд на страницу – неясные образы, опустил голову ниже – до страницы где-то двенадцать сантиметров. Это тебе не на вытянутых руках текст держать. Молодой человек откинулся на спинку стула и закрыл глаза; ничего уже не изменить.

До Димы донеслись шушуканье и нервные смешки. Он повернул голову: Петька и Лёшка, уткнувшись носами в книгу, пытались скрыть своё «весёлое» состояние, но у них это получалось из рук вон плохо. Учебник, за который они прятались, прыгал из рук в руки, падал с громким хлопком то на стол, то на пол. В конце концов, книга не выдержала и треснула по корешку. Лица хулиганов вытянулись, но сразу приняли блаженно-радостное выражение, и классная комната сотряслась от громкого хохота. Ольга Петровна порывисто вскочила из-за стола и указала рукой на дверь.

– Вон! Отправляйтесь в спальню. Вам проспать нужно. Через полчаса приду и проверю, как вы себя ведёте. И завтра, будьте добры, напишите объяснительную записку на имя директора. В скором времени, это я вам обещаю, вас ждёт содержательная беседа с родителями. Я сейчас же позвоню им и расскажу о вашем поведении.

Весельчаки нехотя удалились, корча смешные рожи. Ольга Петровна вышла за ними следом.

– К завучу пошла жаловаться, – прокомментировал Ромка.

Минут через десять дверь в класс тихо открылась, и на пороге появился человек. Он прошёл в класс и сел за парту рядом с Димой. Никто из ребят его не заметил, все продолжали заниматься своими делами. Ромка читал параграф по истории и еле шевелил губами. Антон рассматривал журнал с автомобилями, так как все задания уже выполнил. Девчонки учили стихи к уроку литературы. Димка решал уравнение по алгебре. Он никак не мог сообразить, какую формулу лучше использовать. Неожиданно появившийся запах мужского сладковато-терпкого парфюма насторожил его. Он тряхнул головой и углубился в работу. Тут кто-то тихо прошептал ему на ухо:

– В этом случае лучше раскрыть скобки и...

От неожиданности Димка отшатнулся. Рядом сидел полный, круглый дядечка со смеющимися глазами и тремя весёлыми морщинками на лбу. По бокам его лысины завивались пышные кудри. Одет он был в добротный костюм, руки сложил совсем как школьник.

– Добрый вечер, – приветствуя ребят, громко сказал гость.

– Здравствуйте, – не договариваясь, хором поздоровались те.

– Ты – новенький, – мужчина упёр в Димку указательный палец. – Дима Остроумов. Правильно? – тот утвердительно кивнул. – А я – Зельтен Давид Самуилович.

Оставаясь в полном недоумении, Дима пожал тёплую руку.

– Где мои любимые артисты? – Давид Самуилович осмотрел класс.

– Их Ольга Петровна после плодотворной прогулки отдыхать отправила, – пояснил Антон.

– Пойду помогу им справиться с этим нелёгким заданием, – поднимаясь с места, крикнул дядечка. – Увидимся, – махнул ребятам рукой и смешно вышел, будто выкатился.

Димка решил узнать у ребят, кто этот странный человек, но как только закрылась дверь, все вернулись к работе. Вопрос пришлось оставить на потом.

В этот вечер произошло ещё одно событие: Димка выбрал второй кружок – моделирование. Выбрал он его так. Ромка, захлопнув тетрадь и уронив голову на стол, пробубнил себе под нос:

– Меня уроки в тоску вгоняют.

– Неудивительно, – сидевший рядом Антон оторвался от чтения. – Леня никому легко не давалась.

– Дим, ты понял, что он сказал? – продолжал бубнить Ромка.

Дима дочитывал последний абзац, поэтому протянул:

– Не сов-сем.

– Чем больше ленишься, тем больше хочется лениться, – Антон закрыл книгу.

Ромка посмотрел на часы, вскочил и куда-то убежал. Димка только и успел заметить, как за ним захлопнулась дверь. Антон пальцем постучал по Диминому плечу, тот обернулся.

– Пойдём фокус покажу. Увидишь, как человек преображается. И куда лень девается? – он встал и направился к двери.

Дима пошёл следом. Они спустились на первый этаж к кабинету черчения и рисования. Надо отметить, этот кабинет был оборудован по-особому.

Учитель рисования с красивой иностранной фамилией и обычным именем Виктор работал аппарат, позволяющий проецировать небольшое изображение на огромный экран. Вот этот самый аппарат-проектор и занимал центральное место в кабинете. Два длинных ряда парт на шестнадцать человек, удобные встроенные в столы настольные лампы с гибкой ручкой, позволяющие менять направление света, плотно задёрнутые во время урока шторы, картины учащихся на стенах, модели кораблей, подводных субмарин, машин – все эти богатства находилось в кабинете рисования.

Антон открыл дверь и вошёл внутрь, Дима последовал его примеру. Их глазам предстала такая картина: Ромка, закатав рукава рубашки и затаив дыхание, аккуратнейшим образом приклеивал мачту к макету парусного корабля. Невооружённым глазом было видно: это занятие приводит его в неописуемый восторг.

– Проходите, в дверях не стойте, – в кабинет вошёл невысокий мужчина лет пятидесяти пяти. У него было круглое лицо, уже отмеченное многочисленными морщинками, редкие, зачёсанные назад короткие волосы и тонкие губы, которые в данный момент улыбались.

Молодые люди подошли к столу, над которым «колдовал» Ромка. Дима внимательно рассмотрел корабль – тот был сделан из мельчайших деталей. Корпус, палуба, мачты, реи – всё как настоящее, только маленькое.

– Это фрегат, – учитель встал рядом.

– Он самый! – вдохновенно подтвердил Ромка.

Дима был зачарован кораблём. В детстве он неоднократно просил отца купить ему сборную модель, но его мечта так и не осуществилась. Теперь желание собрать корабль вспыхнуло с новой силой.

– Я могу попробовать сделать что-нибудь в этом роде? – Дима сверлил учителя глазами.

Виктор Алексеевич вытащил коробку с деталями и поставил её на стол. Работа закипела.

Далее последовал ужин. Кормили ребят в столовой на первом этаже. Большое помещение разделялось на три зоны толстыми квадратными колоннами: зона у окна, по центру и у стены. В конце зала располагались столы для преподавателей. За арками размещались кухня и подсобные помещения.

Во время ужина Дима узнал, что через неделю их класс будет дежурить. Он заметил, что во время обеда еду приносят ученики, но о том, что его ожидает участь официанта, помыслить не мог.

– Накрывать ещё ничего, – рассуждал Антон, аккуратно собирая хлебной корочкой остатки картошки, – а вот убирать...

И то правда. Дима никогда не задумывался, кто убирал со столов. Он полагал, что это делали повара и работники столовой, а на деле выходило – это обязанность учащихся.

– Почему не ешь? – Ромка умело и быстро намазывал масло на очередной бутерброд.

Оттесняя картофелины к краям, Дима вяло водил вилкой по тарелке и думал: «Мама готовит лучше».

– Его завтра дома сытно накормят, – Антон грел руки, обхватив кружку с ещё горячим чаем.

Дима промолчал: с фактами не спорят.

Время отбоя огласила нянечка. Когда Дима услышал про нянечку, его разобрал нервный смех. Представляя картинки яслей и ночных горшков, он никак не мог остановиться, а потом увидел нянечку и смолк. На пороге спальни стояла высокая полная женщина лет шестидесяти с выпирающей вперед грудью и пышными, уложенными в пучок седыми волосами. Её волевой подбородок говорил о врождённом упрямстве, которое не стоило испытывать. Во взгляде проскальзывала ирония. Казалось, она заранее знала о действиях своих подопечных. Важно упреив руки в боки, она носком правой ноги выбивала ритм: пум, пум, пум, пум.

– Ну что, мальчики, – прогремел сильный голос на всю спальню, – спать будем или дежурить со мной?

– Не-е-е-е, мы спать, – Ромка поднял руки в позицию «сдаемся», сладко зевнул и потянулся.

– И то верно. Сон – первый нам помощник, – согласилась нянечка и добавила, смерив глазами Ромку: – Без фокусов!

– Угу, – тот закусил зубную щетку и, бормоча что-то невразумительное, – «пашледные пыгатавления и шпать», – дал Диме знак следовать за ним.

Словно гусь, важно задрав голову, он прошлёпал мимо нянечки и юркнул в коридор. Дима хотел дожидаться, когда «надсмотрщик», у него не получалось назвать эту грозную, застрявшую в дверях скульптуру по-другому, уйдёт с прохода, но женщина покидать пост не торопилась. Тогда Дима взял полотенце и, изображая сонливость, медленно поплелся к выходу. В дверях он покрутился, соображая, как обогнуть препятствие, потом, собравшись, протиснулся в оставшееся отверстие и прибавил скорость.

– Как тебе Громада? – первое, что услышал он, войдя в туалет.

– Почему нянечка не мужчина? – этим фактом Димка был искренне изумлён и недоволен.

– Этого ещё не хватало! – Ромка поперхнулся водой, которой полоскал рот. – От этой-то мадам никуда не скрыться. Туалет – единственное убежище, а если бы мужик был – караул!

– В смысле, не скрыться? – в Димином воображении опять возникла нянечка, только теперь на пороге туалета.

– Не откликнешься на зов, Громада придёт к Магомету.

– Мужской же, – уточнил Димка.

– Ей всё равно! «Что я там не видела?», – Ромка изобразил раскатистый бас.

– «Громада» – прозвище? – Димка представил картину вторжения.

– Зовут её – Ада Ильинична, мы переименовали.

Дима осмотрелся. Туалет – комната в три помещения. Первое помещение, в котором они сейчас находились, – место для умывания. Второе – сам туалет. И третье, отделённое фанерной перегородкой, – душ. Тут Дима вспомнил про обещанную прогулку.

– Только не говори, что мы отсюда на чердак полезем, – он представил жуткую картинку стремительного падения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Альпинист! – развеселился Ромка. – Вот разогнался! Ада-Громада через полчаса спать будет, как младенец. Здоровый сон, знаешь ли! Пройдём спокойно по земле-матушке. Выдумал! – Ромка присвистнул. – Я, Остроумов, Зыкиным зовусь, а не Скалолазовым.

Димка облегчённо выдохнул. Через несколько минут он с удовольствием растянулся на кровати и, закрыв глаза, погрузился в приятную дремоту. Полчаса спустя его бесцеремонно растолкал Ромка.

– Ты что, сюда спать пришел?! – недовольно зашипел он над самым ухом.

Делать нечего – пришлось вставать. Дима сел на кровати и осмотрелся. Свет фонарей, пробиваясь сквозь тонкие шторы, позволял видеть всё как днём. Все спали или, скорее, лежали

на своих местах. Тишина. Только Ромка, поспешно натягивая штаны и ботинки, шуршал. Дима последовал его примеру.

Чердак находился в правом крыле, отведённом под спальни. Чтобы туда попасть, мальчики проскользнули мимо Громады, потом поднялись по лестнице со второго на пятый этаж, скрюченной проволокой открыли дверь – и вот он, тёмный, пыльный чердак!

Ромка щёлкнул выключателем, и в середине помещения тускло замерцала лампочка, освещая небольшой островок из старых досок. Внизу под ними угадывались разного диаметра трубы. Доски служили настилом, позволяющим свободно перемещаться из одной области чердака в другую. Здесь пахло мышами, хотя их видимых следов не наблюдалось.

– Осваивайся! – Ромка сел на доски и свесил ноги в проём между ними.

Дима осторожно сделал шаг, настил, напоминая об осторожности, звучно скрипнул. Дима отошёл с прохода и, облокотившись о стену, встал сбоку. Над головой растянулась витиеватая паутина, нити которой мерцали в тусклом свете. Дверь открылась, и вошли ещё трое ребят. Один высокий, худой, с копной русских кудрявых волос и вихрастым чубом-чёлкой. Насмешливый взгляд скользнул по Диме и тут же переместился в другую сторону. Второй – тоже высокий и худой, точнее костлявый, с бледной кожей, насколько смог рассмотреть Дима, и чёрными волосами, ещё больше оттеняющими лицо. Взгляд у него был быстрым и тяжёлым. Третий – круглый парень, похожий на булочку с мясом, которую давали в школьной столовой по четвергам. У него была небольшая по сравнению с телом голова, коротко стриженные волосы и медленные, неторопливые движения. Шумно дыша, он неуклюже переваливался на досках.

– Батон! – Ромка вытянул руку вверх. – Вернулся?

– Как видишь, – круглый парень пожал руку. – Вступительную речь любимого «пузыря» пропустил. Вот жалость!

– Ты кто? – длинноволосый сел в островке света, вытянул длинные ноги и посмотрел на Диму.

– Ди... – хотел представиться новичок, но его бесцеремонно перебили.

– Это Соломон, – из-за внутренней разболтанности Ромка иногда был невнимателен в другим. – Прошу любить и жаловать. Он немного зажат, а так – нормальный парень.

– Прозвищем наделил? – бледнолицый уселся в дальнем тёмном углу и достал из-за пазухи сигареты. – Белый, – медленно выпуская дым, представился он.

– Батон, – махнул рукой Ромкин сосед.

– Семеон, – представился последним длинноволосый.

Он хотел сказать что-то ещё, но в это время дверь распахнулась и в помещение шумно влетели три девчонки.

– Почему так долго? – Семеон помог одной из них пройти по доскам в сторону света.

– Наши «правильные» на сон грядущий песни пели, – ловко перепрыгивая с доски на доску, проговорила девчонка с короткими серыми волосами. – Федора их увидела и от умиления чуть на колени не упала. Пришлось ждать, пока душещипательная сцена закончится и Федора не пойдёт спать.

– Гитару принесла? – прищурившись и затыкаясь в очередной раз, спросил Белый.

– Оставила у выхода. Соберёмся в «аппендикс», возьмём.

– Аппендикс? – переспросил Димка.

– Пуфы в закутке на четвёртом этаже, – пояснил Ромка.

«Мы и туда пойдём?» – Дима сообразил, что ночь предстоит длинная.

– Ты кого притащил? – гневно спросила девчонка, которая вошла последней.

В темноте Дима видел только копну волос и нечёткие черты лица. Но он хорошо запомнил голос. Если встретит днём в школе – узнает.

– Я...

– Спокойно, Женька, это Соломон – свой человек! – Ромка не давал приятелю вставить и слова.

– Как знаешь, – быстрыми прыжками девчонка подскочила к тускло освещённому участку и опустила на доски неподалеку от длинноволосого парня.

Разговор на чердаке Дима помнил смутно. Здесь проходило собрание старых друзей, в которое он не вписывался. В большинстве случаев он вообще не знал, о чём идёт речь. Мелькали непонятные слова, описывались неизвестные события, высмеивались чьи-то поступки. Дима долго наблюдал за происходящим, но никак не мог взять в толк, зачем ребята влезли на пыльный чердак, если ничего особенного не делали. Поначалу он полагал, что на чердаке местные «хулиганы» вытворяют разные гадости, отрываются, но на деле их поведение не отличалось от обычного.

– Вы не курите, не пьёте, зачем на чердаке в пыли сидите? – интерес перевесил осторожность.

– Почему не курим, не пьём? – длинноволосый наклонился вперёд. – Кирилл курит, – он взмахнул рукой в сторону Белого, – а мы – пьём, – в руке неизвестно откуда появилась бутылка. – Налейте умнику, чтобы расслабился.

Тут же Диме протянули стакан, выуженный из-под какой-то доски.

– Что это? – он с сомнением покосился на тёмную жидкость.

– Попробуй – узнаешь, – последовал ответ.

Дима одним махом осушил содержимое стакана – чердак сотрясся от громкого смеха.

– Посмотрите на него! – от души веселился кудрявый. – Ты вправду думал, что там алкоголь?

Дима почувствовал себя глупо. В стакане был сок.

– Что вы с ним возитесь? – раздражённо выпалила кудрявая Женька. – Пусть домой катится! Не понимает он, что мы тут делаем! И не поймёт: каждый день домой ходит! А нам на улицу без разрешения выйти нельзя. Воздуха не хватает. Свободы.

– Женька, уймись. Дай человеку привыкнуть, – Ромка попытался защитить друга.

– Пойдём, – резко оборвал его Дима, ему надоело быть бессловесным мимом.

Повисла тишина. Ожидая реакции, Дима смотрел в сторону кудрявой девушки. Та не двигалась.

– Куда это ты собрался? – озадаченно почесал затылок друг.

Дима не ответил, так как продолжал смотреть на девчонку: Женя встала, одёрнула ветровку, оправила юбку и по дощечкам ловко перебралась обратно до места, где стоял Дима.

– Интересненько, – потирая руки, Рома собрался пойти следом.

– Тебя не звал, – остановил его Дима.

Друг растерялся и остался стоять на месте. Длинноволосый парень внимательно посмотрел на незваного гостя, недобро усмехнулся, но ничего не сказал. Женя вышла на площадку, перегнулась через перила, убедилась, что внизу никого нет, и легко побежала вниз. Дима поспешил следом.

– Что дальше? – она остановилась на первом этаже.

Дима выглянул из-за угла и осмотрелся. Вахтёр, добродушный старик лет семидесяти с узким лицом и густыми седыми бровями, мирно дремал на своем месте. Дима взял Женю за руку и повёл в сторону входной двери.

– Она обычно закрыта на ключ, – следуя за ним по пятам, прошептала та.

Они миновали сначала вахтёра, потом пустой вестибюль и стеклянные двери. Теперь только мощная дверь и металлическая щеколда отделяли их от улицы. Дима тихонько дёрнул запор. Щеколда поползла в сторону.

– Я видел, как Пётр Семёнович сегодня запирает дверь. Он забыл ключи и решил не заморачиваться. «Снаружи всё равно не откроют», – кажется, так сказал. Прав ведь, – молодой человек улыбнулся.

Послышался металлический щелчок. Дима аккуратно открыл дверь и кивнул Жене. Та бесшумно скользнула в проём. Дима выскользнул следом. Сначала они стояли на крыльце и просто дышали свежим осенним воздухом, потом Женя захотела пройтись. Они неторопливо двинулись вдоль проезжей дороги.

– Что будет, если Пётр Степанович проснётся и закроет дверь? – с интересом спросила она.

– Постучим – откроет, – Дима тут же представил, как Ольга Петровна тащит его к завучу.

– Если не откроет? – Женя представила, как, озябшие, они греются, накрывшись тонкой Диминой ветровкой.

– Влезем в какое-нибудь окно, или будем гулять до утра, или... Я что-нибудь придумаю.

– Соломон, значит, – весело хмыкнула Женя.

– Меня Димой зовут.

– Я и говорю, Соломон, – дразнилась она. – Замерзла, – она растёрла плечи, схватила Димку под руку и повела в обратном направлении.

Дверь Пётр Степанович не закрыл: он по-прежнему дремал на своем месте, но кому-то не спалось. Когда молодые люди вошли, слышали гулкие, быстро приближающиеся шаги. Дима задвинул щеколду, схватил Женю за руку, скользнул на пару шагов вперёд и пригнулся, чтобы их скрыло деревянное полотно двери. Вовремя. В вестибюль вошла заведующая по воспитательной части. Галина Михайловна уходила домой позже остального персонала. В её обязанности входило сделать последний обход и убедиться, что всё в порядке. Заведующая стремительно подошла к столу и бесцеремонно растолкала вахтёра. Пётр Степанович потёр глаза и встал.

– Извините, Галина Михайловна, на минутку глаза сомкнул. Что-то случилось?

– Естественно, – заведующая недовольно фыркнула. Неужели она стала бы дергать кого-то по мелочам. – У меня в кабинете балконная дверь не закрывается: что-то с петлями. Открыла перед уходом, чтобы проветрить, а закрыть не могу. Посмотрите, что случилось.

– Хорошо, Галина Михайловна, сейчас гляну.

– Все дети на местах?

– Куда им деваться? – на лице сторожа отразилось самодовольство.

– Хорошо, – сухо бросила заведующая. – Возьму пальто и домой. Устала.

– Идите спокойно. Давно вам пора. Дверь поправлю.

Галина Михайловна медленно пошла к кабинету, Петр Степанович засеменял следом.

Дима посмотрел на Женю и кивнул. Они сначала проскользнули к колоннам, а потом понеслись в сторону лестничного пролета, ведущего в спальню. За поворотом остановились и отдышались. Дима выглянул за угол. Пётр Степанович в своих валенках «мчался» обратно. Он подошёл к столу, вытащил из-за стеклянной витрины ключ и быстрыми шагами направился к входной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.